

Яков Шехтер

На пустом месте

Тики сидела возле окна своей тель-авивской квартиры и грела пальцы о чашку с кофе. За стеклом, на бульваре Ротшильда, ветер безжалостно мотал черные ветки деревьев, а долгожданный дождь без устали стучал по голым скамейкам и блестящему от воды асфальту. Пробегали, закутавшись в плащи, редкие релижники, поспешая на утреннюю субботнюю молитву. Кроме них в такую погоду никого из дому не выгонишь. Привычное, годами знакомое зрелище не успокаивало Тики. Наоборот, каждая подробность, вроде кошки, сидящей под козырьком дома напротив и с отвращением отряхивающей мокрые лапы, поднимала в ней новую волну слез.

В этой квартире Тики прожила больше пятидесяти лет. Купила ее сразу после свадьбы, она и муж, «под ключ» – бессрочную аренду, ведь денег на приобретение собственного жилья в таком дорогом месте у них не было. Впрочем, Хаим уже тогда хорошо зарабатывал, а уж потом, когда стал брать строительные подряды, дела пошли и вовсе прекрасно. Сколько раз он предлагал ей переехать в престижную Герцлию, купить дом с лужайкой, на которой она сможет устраивать приемы для своих художественных приятелей. Но Тики хотела только здесь – в районе картинных галерей, неподалеку от ее любимого кафе «Касит» на Дизенгоф, где собиралась публика того круга, в который она стремилась войти.

В кафе сживали художники Стеймацкий и Зарицкий, поэты Бялик и Альтерман, иногда заходил сам Нахум Гутман, создатель палестинской школы живописи. Оттого, что ей удавалось посидеть с ними за одним столиком, собственного мастерства не прибавлялось, но было в общении с великими какое-то электричество, неизвестный науке магнетизм. Кружилась голова, и фантазия раз-

ворачивала свои крылья, осеняя Тики шелестом и шорохом. После таких встреч ей всегда приходили в голову неожиданные сюжеты для картин, поэтому к «Касит» она относилась, словно верующий еврей к синагоге, и старалась бывать в нем почти каждый вечер. Разве может такое заменить лужайка, пусть даже в Герцлии?

Вообще, все тогда казалось новым, удивительным и прекрасным. Поэты создавали язык, художники основывали школы; столетиями ожидавшая свой народ земля была огромным пустырем, на котором молодые возводили государство, культуру, нацию. И бульвар перед окнами Тикиной квартиры был тогда просто проплешиной между двумя рядами новых домов. А сегодня другую сторону улицы с трудом разглядишь через ветки деревьев и заросли кустов.

Лет двадцать назад они попытались перекупить у хозяев свое жилье, но те не согласились. Дом, по тогдашним предположениям, скоро должны были снести и на его месте выстроить современное высотное здание. Хозяева в этом случае получили бы куда больше стоимости квартиры. Но прошло почти два десятилетия, а дом по-прежнему стоит на своем месте. И простоит еще долго, ведь построен он в стиле баухауз и теперь занесен в «красную книгу» архитектуры. Всего за восемьдесят лет современная постройка превратилась в музейную ценность...

Прошло еще несколько лет, и Тики расхотелось покупать квартиру. Для кого? На ее век хватит, а единственный сын давно осел в Силиконовой долине. У него огромный процветающий бизнес ценой в несколько миллионов, так что в Тель-Авив он уже не вернется.

Порыв ветра бросил в стекло горсть мутных капель. Тики зябко поежилась. Сейчас бы кота на колени или собаку, все-таки живое существо рядом. Но от собак дурно пахнет, а коты линяют. Да и возни с ними много, выводить на прогулку, еду таскать, о прививках помнить. Нет, лучше самой.

Или вот, внуки подрастают, может, приедут навестить.

Она подумала об узкоглазых внуках, об их матери, миниатюрной черноволосой тайландке, и зашла от плача. И ведь сколько раз уговаривала себя, объясняла, что время изменилось, и век другой на дворе, что Сири-пон чудесная жена и заботливая мать, и что пора задавить в себе голос дремучих местечковых предков, но... эти узкоглазые внучата...

Тики решительно высморкалась, вытерла глаза чистой салфеткой и приказала себе: «Немедленно успокойся. Ты ведь не из-за этого плачешь. Причина совсем в другом. Себе-то зачем врать?».

Она еще раз припомнила события прошедшего вечера, и снова в груди всколыхнулась желтая горечь обиды. За что? Ее унизили беспричинно, походя, и с безжалостным нечеловеческим равнодушием.

Чтобы отвлечься, Тики перевела взгляд на картину в простенке. Любимый Кайботт, крыши Парижа. Фиолетовые, серые, лиловые сумерки, белые шапки снега на черных кровлях, дымовые трубы красного кирпича. Из ее мансарды в том далеком послевоенном Париже открывался такой же точно вид. Она тогда снимала одну студию вместе с Райzmanом и рисовала с ним вместе одни и те же предметы: стулья, вазы, тарелки с остатками еды – все, что попадалось на глаза. Если бы Ури согласился уйти от своей кибуцницы-йеменки, она бы осталась с ним в Париже, может быть, даже навсегда. Начали бы новую жизнь, с ноля, на пустом месте. Оба художники, оба верящие в свою звезду, красивые, жадные до жизни. Но он всегда был упрямым, как черт, и всегда все делал по-своему, может быть, потому и добился известности. Его картины висят во всех музеях мира, а ее...

Впрочем, в последние годы багрянец славы окрасил и квартиру на бульваре Ротшильд. Ну, не настоящей, не мировой, но все-таки славы. Она ведь столько и столько повидала на своем веку, а главное, помнила фотографической памятью художника. Легкое усилие памяти – и сразу перед глазами возникает раскуривающий трубку Авраам Шленский или качающийся над столиком то ли декламирующий, то ли декларирующий свои стихи полупьяный Александр Пен. Похотливый Сартр пересаживается поглубже в тень от Сен-Жермен-де-Пре, презрительно опуская уголки губ, кривит рот в сардонической усмешке Деррида. А вот элегантный Ури-Цви Гринберг в велюровой шляпе, строгом галстуке и ослепительно сияющих штиблетах выговаривает ей: «Тики, столько поколений ваших предков молились о том, что бы вы попали на Святую Землю. На что вы тратите свою жизнь, Тики!».

Тики улыбнулась сквозь слезы. Ах, он был такой милый и такой внимательный, Ури-Цви. Если бы не его занудная религиозность, кто знает...

Она нарисовала их такими, как помнила. Альбом моментально стал бестселлером, сразу за первым вышло второе издание, за ним третье. Потом «Пингвин» купил у нее права и выпустил огромным тиражом роскошную книгу на четырех языках. Завистники писали в газетах, будто секрет популярности кроется в злобности ее взгляда, в почти карикатурном выпячивании отрицательных черт и слабостей великих, с которыми ей довелось общаться. Вовсе нет! Они именно такими и были! Это потомкам спустя сорок лет кажется, будто большой художник обязательно и человек большой души, а на самом деле людские слабости сами по себе, а талант – сам по себе.

Дождь и тучи занавесили бульвар фиолетовой дымкой. Еще вчера ничто даже не намекало на такую погоду – обычный жаркий зимний день: к полудню свитера и куртки сменяются маечками и легкими рубашками. Мальчишки носятся по бульвару на скейтах, жужжат автомобили, неспешно тянется еще одна зима ее старости.

К вечеру Тики обычно выезжала на Яркон, посидеть у реки, вдохнуть влажный, холодящий щеки воздух. Ужинала в одной из многочисленных кофеен «маленького Тель-Авива» легко – кофе с круассаном или маффин с кружкой крепкого чая. Спать она ложилась поздно, а о цвете лица давно перестала заботиться.

Вокруг ходили, смеялись и разговаривали по сотовым телефонам молодые парни, красивые, но по-другому, чем те, что когда-то нравились ей. Да и она, конечно, выглядела в их глазах совсем иной, чем современные девушки.

Фигура у нее еще вполне соблазнительна, хоть и немного расплзлась, расплылась, точно непропеченная ромовая баба, но вот кожа на лице, руках и шее повисла мягкими складочками, словно горло у лягушки. На нее уже давно никто не обращает внимания, не подсаживается, не пристает с дурацкими вопросами. Не то что раньше, когда по улице не могла спокойно пройти, а уж в «Касите» – так просто очередь занимали посидеть с ней за столиком. И не лишь бы кто, а лучшие, лучшие из лучших. Ее называли королевой Тель-Авива, самой красивой женщиной Палестины. Ох, когда это было! Сейчас вкусы другие, и представления о женской красоте иные, чем раньше.

Да, она уже совсем собралась выходить, даже надела туфли, когда позвонил телефон. Шош, старая-престарая знакомая. Когда-то всемогущий обозреватель культурных событий, колумнистка в покойной газете «Давар». Тридцать-сорок лет назад ее слово стоило многого, очень многого. Близко с Шош она никогда не сходилась, их представления об искусстве и вообще о жизни слишком различались. Если и было что общего, так только мужчины. Ха-ха, как лихо она увела у Шош того актера, который... ну... он утонул потом, бедняжка, на ашкелонском пляже. Как же его звали... Не помню. Лицо до сих пор стоит перед глазами, а имя уже стерлось.

Год назад Шош выпустила книгу воспоминаний и прислала ей с трогательной надписью. Наверное, из завсегдатаев «Касита» в живых остались единицы, и Шош права – они последние свидетели. Но книжка у нее получилась слюнявая: все такие хорошенькие, добренькие, трезвенькие и постоянно думают об искусстве. Ерунда... Вечером они пили русскую водку, чтобы опьянеть, а утром арак, чтоб опохмелиться.

Шош несколько минут щебетала о погоде и самочувствии, а потом начала жаловаться, что книжка плохо расходуется, и отзывы, хоть и хорошие, но какие-то расплывчатые, ни рыба ни мясо. Она так старалась, несколько лет просидела в архивах, пересмотрела тонны газетных подшивков, фотографий, писем. Проверила каждую дату, каждое имя. И вот – не читают... А ведь это история нашей культуры, наши великие имена! Не то поколение, не то время. Во всем девальвация...

Тики согласно поцокала языком, посокрушалась вместе с Шош об ушедшем золотом веке и повесила трубку. Вот дура! Публике нужны скандалы, пикантные подробности, грязь. Ей хочется встать на одну доску с великими, увидеть, что они были сделаны из такого же человеческого материала, с такими же слабостями и недостатками. Рассказы о праведниках нужны релижникам, но Шош-то обращается к совсем другой публике. Как же она со своим опытом не сообразила такой простой вещи?!

Тики спустилась вниз, села в маленькую юркую «Тойоту», опустила до самого низа стекла и покатила к выезду со двора. Мотор работал совершенно бесшумно, благодаря Хаиму она меняет автомобили каждые три года. Пока она болтала с Шош, –

стемнело. Голубоватый свет фар скользнул по коричневой с белыми прочерками царапин стене забора, выхватил дремлющие под домом автомобили соседей и уперся в стоящих прямо посреди проезда двух молодых парней. Одетые с карикатурной тщательностью, один во все белое, а другой в черное, они оживленно беседовали. Тики пару раз кольнула их дальним светом, а потом осторожно придавила клаксон. Никакой реакции. Двое были полностью погружены в беседу и не обращали на автомобиль ни малейшего внимания. Черный держал в руках пластиковый стаканчик и, выслушивая белого, прикладывался к нему с явным удовольствием.

Она подъехала вплотную, высунула голову из окна и обратилась с максимальной вежливостью:

– Шолом-алеихем, мир вам, уважаемые молодые люди. Не сочтите за труд пропустить мой автомобиль.

Молодые люди, не прерывая беседы и не удостоив Тики даже мимолетным взглядом, отошли в сторону. Она нажала педаль и медленно покатила мимо. В тот момент, когда открытое окно машины поравнялась с юношей в черном, тот небрежным движением руки выплеснул ей прямо в лицо содержимое стаканчика.

Тики оторопела. За секунду этой оторопи машина успела прокатиться на несколько метров. Мягко скрипнули тормоза, Тики схватила с сиденья сумочку, дрожащими руками втащила из нее пакетик бумажных салфеток и промокнула глаза. Такого с ней еще не случалось! За долгую, долгую жизнь в Тель-Авиве и десятилетия за рулем ни разу не случалось. Бывают, конечно, всякие происшествия, но вот так, без всякого повода, на пустом месте! Что же тут происходит, в самом деле?!

Она снова высунула голову из окна. Два негодяя повернулись к ней спиной и фланирующей походкой уходили по улице. Бежать за ними, кричать, вызвать полицию? Пока приедет полиция, от них и след простынет. А если не простынет, что она скажет? Их двое, она одна, не докажешь. Позвонить Хаиму? В конце концов, он ее законный муж, обязан защитить, хотя бы в таких случаях. Как же, оторвется он от своей Мирьям! А если и оторвется? Где она и где Хаим! От Герцлии сюда быстрее чем за час не доберешься.

Вот тут она и заплакала, в первый раз за вчерашний вечер. Фонари на бульваре освещали ее руки желтым мерцающим светом. Пальцы подрагивали, и на них, на кофточку, на колени под серой юбкой из дорогого английского твида черными точками ложились слезы.

«Жизнь продолжается, – решила Тики, когда обидчики скрылись за поворотом улицы. – Решила ехать на Яркон – и поеду».

Она отпустила тормоз, перевела ручку автомата на D и тронулась с места. Ехала на автопилоте, не замечая ни улиц, ни дорожных знаков. Какая-то часть ее мозга привычно выполняла знакомую работу: останавливала автомобиль в нужных местах, пропускала пешеходов, показывала повороты, но в голове неумолчно и безостановочно крутилось: почему и за что?

Тики поставила машину на своей постоянной стоянке у самой реки, но к берегу не пошла. Юбка на коленях потемнела от слез, лучше сразу усесться за столик, обождать, пока подсохнет. Еще раз промокнув глаза и пригладив волосы, Тики пошла в блинную «У Шуламита». Там подавали замечательные блинчики со сметаной, приготовленные по рецептам венгро-еврейской кухни. Хотелось крепкого кофе и чего-нибудь сладкого, отвлекающего, способного вытеснить изо рта соленый вкус слез.

Но «У Шуламита» было закрыто. Постояв в недоумении несколько минут, она сообразила – ну конечно, суббота! Шуламита хоть и ходила по своему кафе в брюках, невыгодно подчеркивающих отвислый зад и выпирающий животик, но голову всегда покрывала дурацкой шляпкой из дешевой итальянской соломки. Тики как-то попробовала объяснить ей, как улучшить прическу и вообще привести себя в подобающий возрасту и положению вид, да нахалка только усмехнулась. Она, видите ли, замужняя женщина, и закон предписывает. Ходить тютей закон ей тоже предписывает? В рамках тех же правил можно выглядеть вполне прилично. Она хорошо помнит, как эффектно одевалась жена Агнона. Ее муж, нобелевский лауреат по литературе, млеет от одного вида блондинистых «шикс», вот Эстер и расхаживала в белокуром парике и в роскошных платьях чуть ниже колен.

Тики зашла в первую подвернувшуюся кафешку, съела без всякого удовольствия какой-то пирожок, запивая его тройным

эспрессо, закурила. Что же все-таки с ней произошло? О подобном она не слышала ни от кого от многочисленных знакомых. Хотя в последнее время знакомых сильно поубавилось, альбом распугал. В порыве благородного негодования прервали отношения. Ну-ну... Доктор Черняховский как-то сказал ей на банкете после презентации одной из его книг, она уж и не помнит какой:

– Милая Тики! Посмотрите вокруг себя. Видите, какие приветливые лица у этих талантливых людей? Как они рады за меня, с какой искренностью желают добра. Так вот, запомните, для большинства людей искусства успех товарища по цеху – большое личное горе. Это я вам говорю и как поэт, и как врач.

Ладно, на ее век знакомых хватит. В конце концов, можно и без них. Умирать все равно придется одной, сын не прилетит, Хаим не поможет, а знакомые – так точно не появятся. Зачем тогда они?

Свечи, что ли, начать зажигать по субботам? Может, в этом дело? Может, и в этом, только стара она врать и себе, и Всевышнему. Если бы верила хоть на грош, тогда да, а так – из-за страха? Разве Ему нужен ее страх? Если существует Кто-то над нами, то наверняка Он выше наших представлений о Нем. И уж во всяком случае, добрее, чем безжалостные нечеловеческие законы, якобы дарованные Им своему народу. Любовь – вот что движет высшей справедливостью, а не мелочные предписания.

Тики почти успокоилась и подошла к реке. В черной воде дрожали отражения фонарей, их тусклый свет переливался и трепетал на мелких волнах. Тянуло свежестью, откуда-то еле слышно доносились звуки музыки. Бум-бум-бум, очередной дурацкий рок или рэп, как они его там называют. Не все ли равно, к музыке это отношения не имеет. То ли дело раньше...

Она вздохнула и пошла к машине. Пробиваясь через вечернюю тель-авивскую пробку, Тики почти забыла про обиду, и только когда фары осветили проезд во двор, в котором несколько часов назад стояли «черный» и «белый», горечь вернулась и сразу выплинула из глаз несколько горячих капель.

Ее дом... Место, в котором даже стены помогают. А ей кто поможет? Кто утешит, скажет доброе слово? Великие ушли, оставив после себя картины, ноты, книги. Она знала их

в другой ипостаси, в человеческом облике. Слабыми, ищущими поддержки, утешения. Величие – оно для улицы, а дома у каждого был кто-то свой, с которым пили кофе по утрам, которому жаловались на обиды, на котором срывали злость и потом просили прощения, а ночью, словно мифический Антей к земле, припадали к груди в поисках новых сил. Как же получилось, что она, Тики, Тиква, Надежда, не стала ни великой, ни своей?

Картины, ноты, книги... Они только фантазия, игра ума. Приятное времяпровождение, когда все остальное в жизни удачно. Ни утешить по-настоящему, ни снять боль они не могут. Протягиваешь руки, чтобы опереться, а пальцы проваливаются в пустоту.

Поднимаясь по лестнице, она не удержалась и разрыдалась уже в голос, жалобно и стыдно. Потом была ночь, еще одна ночь в пустой гулкой квартире. Чтобы уснуть, ей пришлось выпить две большие рюмки гленморанжа и кое-как, ворочаясь с боку на бок, дожидаться утра. Несколько раз она ходила в туалет, долго сидела в темноте на холодном унитазе, прислушиваясь к бульканью воды в неисправном бачке. Ему вторило беспощадное тиканье часов – тик-так, тик-так, тик-так. С ума сойти можно!

Проснувшись, Тики около часа лежала в кровати, не в силах двинуться с места. Даже кофе не хотелось, а ведь утренний ритуал с тщательным помолом, завариванием и долгой медитацией над ароматным дымком был в последние годы едва ли не главным поводом для каждодневного вставания. На автопилоте, как вчера за рулем, она все-таки поднялась, приготовила кофе, села с чашкой у окна, взглянула на занавешенный штриховкой дождя бульвар и горько, горько расплакалась.

Иерусалим

